

Вадим МИЛЯЕВ

ШЕВЯКОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(Очерк)

Говорят, в то декабрьское утро над шахтой всходило багровое солнце. Возможно, оно и так. Это было давно. Там, в завалах, на нижнем горизонте погибали наши товарищи - сильные духом, крутые мужики. Было очень много горя, и не было равнодушных к чужой беде. К ним на помощь пошли не только исключительно испытанные в экстремальных условиях асы-проходчики. Это были академики своего дела – сильные и выносливые, знающие до мельчайших тонкостей и закавык весь механизм шахтерской специфики.

А время, как обычно, отсчитывало секунды, минуты и неумолимо слагалось в сутки и декады, которые особых утешений никому не приносили. Но никто на шахте не тянул время. Это был период, когда все шевяковцы ощущали себя как на иголках.

И Ян Вишневецкий пошел туда, где уже приступили к работе опытные проходчики. Ян вместе с ними пробивал сверху вниз сорокаметровый гезенк по породе и на отпалку. Почти вертикальный – семьдесят три градуса наклона. А на нижнем горизонте уже загорелся уголь и плавился металл. Там – ад! К тому времени шахта пережила целую серию взрывов...

Я познакомился с Яном на проходке и с тех пор об этом никогда не жалею, потому что познал под землей настоящего друга. Его характер давно был замешан на крутой шахтерской закваске с эдакой горчинкой, где соли и перца, пожалуй, хватило бы с лихвой...

...Между мной и Яном - двести метров. Я со своими проходчиками рассчитал доступ к промстволу. Поблизости от нас горноспасатели в разломах трещин установили приборы для замера метана. Но очередной взрыв мог бы случиться мгновенно, как гром среди ясного неба. Мы снова спускались в шахту, как в преисподнюю. Никто тогда из нас и горноспасателей не думал о собственной безопасности. По штреку несло зябким сквознячком и пробирал озноб мрачного предчувствия.

- Вы ходите по вулкану, - замечали горноспасатели.
- Выполняем задание.

Ответы в подобной обстановке были предельно лаконичны, как и вопросы. После смены к Яну был особый вопрос. Он отвечал, что осталось пройти пять метров и есть надежда... Старался держаться с нами на уровне и достойно. Но был очень взволнован и печален. Опыт ему, конечно же, подсказывал, что уцелеть в этом пекле невозможно. Шахта стала погибшим братской могилой.

Гезенк, рассчитанный на месяц, был пройден на декаду раньше. Туда немедленно спустились горноспасатели, рискуя жизнью. Там - завалы, удушье и черный пылевой туман, плотность которого луч шахтерской лампочки не мог пробить даже на один метр. И тогда человек вынужден был остановиться перед ужасом неуправляемости стихии...

Земные недра постоянно мстят шахтерам за каждый кусок угля, добытый у них. Такова горькая правда шахтерской славы.

Никто из нас не бросил шахту. Одни «ушли» на небо, а другие - дело привычное - снова спустились на свои рабочие места. Шахтеры, коль выбрали для себя такую профессию, не только добывают хлеб промышленности, но и порой в невероятно тяжелых условиях зарабатывают на кусок хлеба...

Яново лицо украшала черная бородка без усов — этакая узенькая подковка, от уха до уха по крепким скулам обрамлявшая упрямый подбородок. Ходил Ян с гордо поднятой головой, а подбородок, казалось, всегда следовал впереди своего хозяина... У Яна по жилам течет горячая цыганская кровь. Его отец был венгерским цыганом. А сын от отца унаследовал сильный характер и романтику беспокойной жизни. В данной же ситуации он расценивал спокойствие как душевную подлость. И не только в этой трагической для шахты ситуации. Наверное, поэтому Яну больше всего в жизни везло на экстремальные обстоятельства.

С некоторых пор Ян начал вести дневник. В его дневнике есть такая запись: «Не разбрасывай силы своей души. Если будешь разбрасывать силы до конца - встретишь взрослую жизнь с пустой душой». Да поди ж ты загляни кому-нибудь в душу! У одних она как темное ущелье. А у других вся нараспашку, как окно в мир. И у таких людей глаза светятся добром, а поступки отличаются полезностью. Или там же в дневнике: «Подавляй в себе мельчайшие признаки слабоволия - капризность, обидчивость, раздражительность, самолюбие. Из этих семян вырастает индивидуализм».

...День медленно остывал от летнего зноя. На западе вечерний закат постепенно менял яркие краски на умеренные тона. Через некоторое время они угаснут, а вечерние сумерки своим появлением завершат уходящий день. И от берега уже повеяло прохладой. Вижу, что Яну надоело ловить рыбу, и он присел на корягу.

Потом закурил сигарету и с наслаждением вдохнул в себя сизый дымок, словно принял бальзам на душу. Нам никто не мешал вести разговор о том, что на душе наболело.

- И все-таки, Ян, наш поезд жизни уходит от нас - шахта закрывается.
- Есть билеты на попутный ветер, - мой друг не лишен был чувства юмора.

Но лицо у Яна было грустное - не до шуток. И вдруг улыбка, словно солнечный зайчик, быстро заиграла яркими бликами на его загоревшем лице. В это время он, наверное, о чем-то хорошем подумал. И разлил по стаканам остатки «Пшеничной». Мы выпили. А может, правда нашу шахту не закроют, и она снова возродится, как феникс из пепла?

Ян верил, что шахту не закроют. И многие шевяковцы верили. Но случилось то, что случилось. Бывший директор шахты Виктор Лаврентьевич Сорока теперь ходит с палочкой — пошатнулось здоровье, болят ноги. Но он еще крепок — в голосе металл звучит, и взгляд сильный и мудрый, только в глазах печаль и душевная боль на всю оставшуюся жизнь... А ведь Виктор Лаврентьевич Сорока был из тех «коренных» директоров, кто уверенно ходил в своей упряжке и шахту тянул за собой, имея за плечами богатый опыт. Да вот кому-то еще задолго до взрыва на шахте не пришлось ко двору. Сняли.

А мой друг Ян с тех пор пережил два инфаркта. Это уже давно поседевший брюнет. В год взрыва на шахте Яну Яновичу Вишневецкому исполнилось пятьдесят лет. И он пошел на ликвидацию катастрофы, будучи не только «молодым пенсионером», но и дедом. В тот год родился его любимый внук Максим...